

О НОВООБРАЗОВАНИЯХ В ЯЗЫКЕ

ПО ПОВОДУ «СТИЛИСТИЧЕСКИХ ЗАМЕТОК» Г. О. ВИНЮКРА

Г. О. Винюкр в своей статье «Стилистические заметки», говоря о новообразованиях в языке, замечает, что «общее всякое изменение в языке в первую минуту представляется неправильностью».

Супербюрократ работы худ. Р. Орлова и книге С. Подьячева «Среди рабочих», выпускаемой издательством «Советский писатель».

С. ПОДЬЯЧЕВ

СРЕДИ РАБОЧИХ

повести

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ 1933

Очевидно, неправильным, раз говорят, что их часто пишут вместо правильных. Хотя слово «мировоззренческий» и не является новым словом...

Так вот обстоит дело и со словом «мировоззренческий». Еще более это можно сказать о таких словах, как «языковедный» и «литературоведный».

Кстати, считает ли Г. О. Винюкр неправильными слова управленческий, «направленческий», и если да, то какие правильные он предлагает вместо них?

Н. КАШИН

В порядке обсуждения

В чем же здесь дело? Да, надо полагать, в том, что вопрос о происхождении таких слов, как «литературоведческий», «языковедческий», «мировоззренческий», «спиритический», «направленческий», несколько более сложный, чем это кажется...

Это оптимизм — огромный, гигантский по масштабам перестройки жизни и человеческих отношений. В «Большом конвейере» как раз всел в привлекательной манере пролога Гагаина по белой улице описывается, как Гагаин подполз к высокой громаде дома коммуны...

В «Веселых ребятах» неприятнее всего именно эта маскировка под нечто значительное. Герои — «светский» молодой человек и «светская» девушка заимствованы под протекта и заморачивают, это и нестерпимо фальшиво и оскорбительно колет глаза...

«ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА» ТАГАНРОГА — ЧЕХОВУ

В Таганроге в последние числа мая этого года были проведены чеховские дни, посвященные 75-летию со дня смерти великого писателя. К таганрогским праздникам было приковано внимание всей советской страны.

Партийное руководство города сумело поставить работу по подготовке к чеховским дням и провести самые празднества по плану «от чеховского захолустья к социалистическому Таганрогу».

«Таганрог стал неузнаваем. Это не город, а цветущий сад» восклицает поэтесса таганрожка А. Л. Вишнева...

«Графская жизнь» М. Рудермана выходит в издательстве «Молодая гвардия». Иллюстрация худ. Т. Маерной.

КНИГИ

Последние мужики

Кулашев наш интересный этап развития нашей деревни — от расцвета села до начала массовой коллективизации. Уже само название романа подчеркивает его главную идею — показать последнее одиночество и всю глубину переживания растущего с собственностью мужчины.

Кулашеву удалось органически включить своих героев в круг больших социально-исторических проблем перестройки деревни. Почти каждый из действующих в романе лиц — социальный тип, несущий на себе печать эпохи восстановления крестьянского хозяйства.

Сборник стихов С. Чиковани и К. Каладзе

Заслуживает также интереса образ молодой учительницы Зинаиды. Это — тип новой женщины, умной, трезвой, радостной и светлой (хотя отчасти и схематичной), любящей Федю, но для пользы общего дела, чтобы не создавать трудностей в жизни Нефели, сознательно скрывающей свою любовь к нему.

Сборник стихов Сергея Чиковани и Карла Каладзе заслуживает особого внимания. Это — тип новой женщины, умной, трезвой, радостной и светлой (хотя отчасти и схематичной), любящей Федю, но для пользы общего дела, чтобы не создавать трудностей в жизни Нефели, сознательно скрывающей свою любовь к нему.

Всё должно быть по-другому. Нельзя мириться с этой злобно-огорченной будничной барачной жизнью, с этой обязанностью и потрясающей неприглядностью. Все это нужно снести и построить все по-новому. Вот что говорит эта спена. И мы можем это сделать. И мы это сделаем. Вот что еще говорит эта спена.

Издательство «Советский писатель» выпускает «Дорогу к мечте» А. Грина с гравюрами на дереве худ. В. Коалинского.

«Пепел»

Повесть Сергея Кляшвили из эпохи империалистической войны и Февральской революции в Грузии — предельно высокая агитационная. Ее пафос — пафос гуманный, гуманный, как колоссальный плакат, как колоссальный плакат волево-образовательная машина.

Метод построения повести — путь через картин и образы на линии фронта и ближнего тыла. Вершина эпоса, напряженный и живой, острая композиция стихов и картин. Люди и вещи вписаны в картину красками.

РАСТУТ ЛИТЕРАТУРНЫЕ КАДРЫ КАРАКАЛПАКЦИИ

ХОРОШЕЕ НАЧАЛО

Джолмурза Аймурзаев

КИЗКЭТКЭН*

Отрывок из поэмы

В плане реализации решений съездов советских писателей об обмене творческим опытом между литературами братских республик СССР...

Организованные в Москве и Ленинграде творческие вечера грузинских и армянских поэтов, вечер украинского поэта Павла Тычина были триумфом творческой солидарности «единой советской литературы»...

Наряду с организацией творческой связи между такими крупными отрядами, как украинская, грузинская и армянская литературы, правление ССП вплотную занялось изучением состояния молодых литератур ранее отсталых народов. Удалным опытом в этом отношении является работа, проведенная бригадой ССП в составе Родионова, Арп. Ситковского и Н. Павлова в Каракалпакии...

Строки каракалпакских поэтов свидетельствуют о большой непосредственности и безграничной преданности творцу, возродившему в них вырождавшийся при партизанском Риторика же и ваятельна в их стихах — прямой результат недостатка культуры. То не только этим объясняется вылет газетности в стихах каракалпакцев...

Фазилов Исбасар

Черный баран

Исбасар Фазилов — один из талантливейших молодых поэтов Каракалпакии (родился в 1908 году) — прошел трудный жизненный путь от безработицы, байского батрака и пастуха аульского скота до члена ЦИК Каракалпакской АССР и редактора центральной комсомольской газеты в Туртукла.

В основу стихотворения положено действительно происшествие, случившееся с ним в бытность его пастухом в ауле в 1924 году.

Согласно шархату, животное, не зарезанное ножом, считалось оскверненным. «Харам» и не могло быть употреблено в пищу. Но если, например, раненый волком баран должен был быть зарезан далеко от аула, где не слышно крика о помощи, все это вожа мог быть употреблен острой сук, палка и т. п. Вопросы о том, являлся ли баран «харам» — оскверненным — или «халал» — чистым, в каждом отдельном случае решал раньше высший религиозный авторитет в ауле — мулла.

Сильный ветер с утра бесконечно и ароматно дул. От дождя полутьма и в деревьях тугай! гул. Дать мне нож пожалал мой хозяин — Мютенский аул!

Потому-то погиб черный баран — «харам». Я в Мютенском ауле мальчишкой был, пастухом, Пас аульских баранов в тугай ветистом, глухом. Волк барана загрыз, я ножа не имел и сунком, Острой палкой зарезал барана, чтоб не был «харам».

Уберечь я барана от хищного волка не мог. Не избавил барана от смерти всевидящий бог! Подобрался, подкрался бесшумно попустую ног И повалил волк черного барана «харам». Снес барана в аул я — потерял аула мала. Можно мясо продать, но воскликнул лукавый мулла:

— Ты не резал ножом его, как повелел алла, Ты не сделал «халала», и черный баран — «харам»! Халибек, мой хозяин, Владепец барана ты. Нет защиты нигде для меня — батрака-сироты. Если этим насытится байские жирные рты: Заработок за погода возьмь мой — цену барана «харам»!

Перевел с каракалпакского НИК. ПАНОВ

Асан Бегимов ПОДЗЕМНАЯ ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА

Каракалпакский поэт Асан Бегимов, будущий в Москве на пленуме Съезда советских писателей, вместе с другими делегатами ездил на метро. Это стихотворение передает его впечатление от поездки.

Снаружи — порывы зпобных ветров, И тучи хмурятся строго... Жемчужным блеском сияет метро — Подземная железная дорога, Одетая марморовой красотой. Трудя положили много На стройку чудесной дороги той. Подземная железная дорога! Я был красотой ее поражен, Отдельку вагонов трогал. Свет тысячи ламп везде отражен, —

Перевел с каракалпакского НИК. ПАНОВ

Насбергенов Дали

ЛЕНИН

Без отца и без матери с детства Я остался давным-давно. И куда малышу было деться? Телу синему холодно. Обессиленным, — где б укрыться? Где поешь бы? — всегда о том Я мечтал, но чудиме лица Отвечали мне холодно. Будь для бая рабом покорным, Непокорные не нужны! Видно, дни мои были черные, Ночи черные без луны. Мысли желтые: мука длится; Плачу гора предлежит. Все ж с мечтой освободится Я дружим уже с малыша лет.

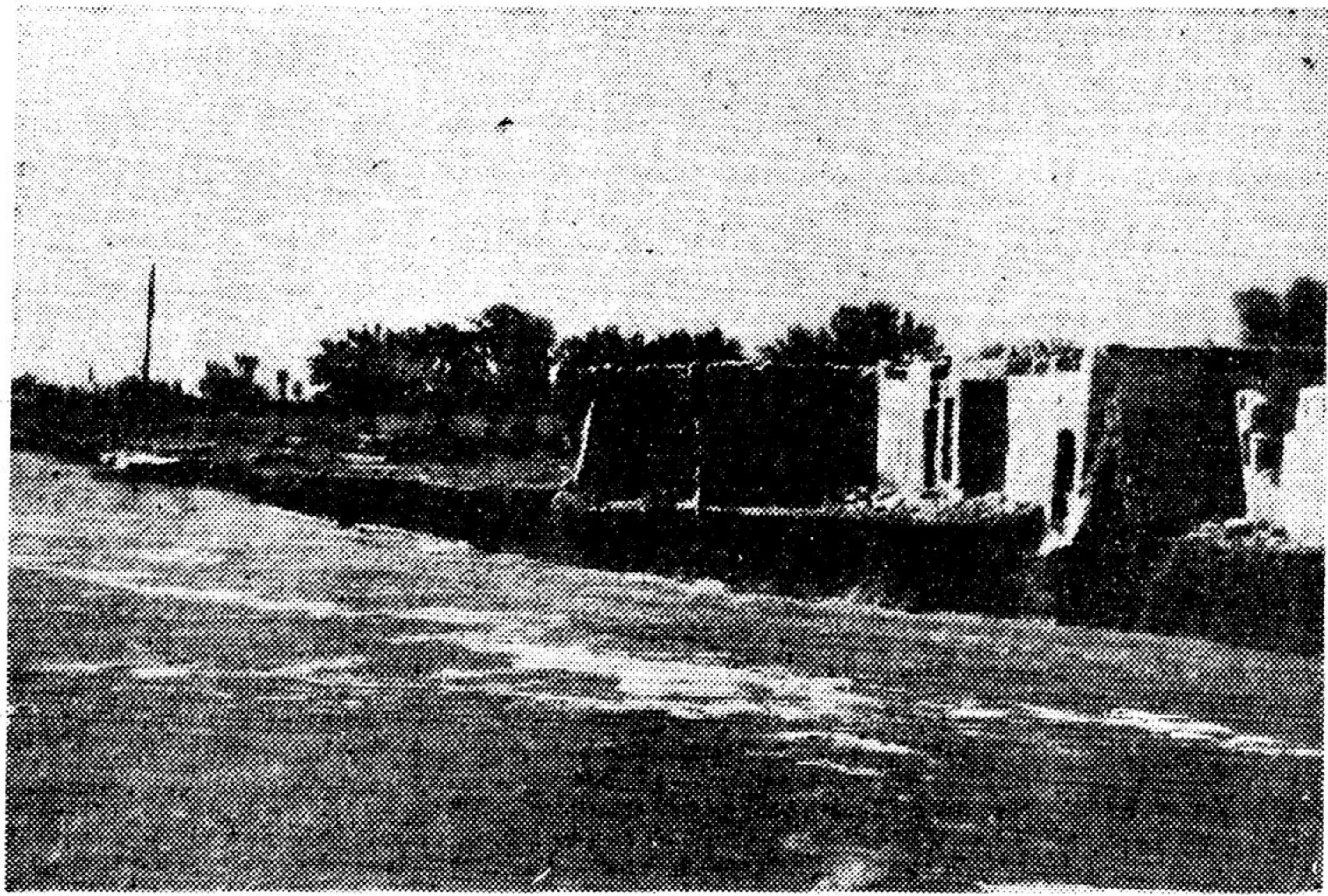
Перевел с каракалпакского АРНАДИЙ СИТКОВСКИЙ

стические элементы всячески защищали Мелжитова, печатали под своими фамилиями его отравленные национализмом произведения и шельмовали молодежь. Теперь каракалпакской областной комитет партии положил конец всем попыткам превратить Мелжитова в столпа каракалпакской литературы, а также вселенским басням, выдававшим его за народного героя. В постановлении бюро обкома, принятом по докладу правления Союза каракалпакских писателей и нашей бригады, говорится о том, что только теперь «стали формироваться свои молодые, подлинно пролетарские кадры писателей» (Фазилов, Бегимов, Давсараев, Аймурзаев и др.). Эти люди уже воспевают в своем творчестве не средневековых рыцарей, баяв и манавов, а людей и дела социалистического строительства.

Фазилов Исбасар Сестра Санем

День в тумане и ночь в тумане, Усталым глазам темно. Ни звука не слышно, ни шороха, В решетке твою окно. «Девку родили — скот будет, Народ говорил дадено. Сорок туаров... пятьдесят туаров — Обычная мера скота. Желанного встретить и полюбить — Пустая мечта. Родители взяли камень: Нет! — уходи навсегда. Ты стала, Санем, рабыней; Замужество — как болезнь. В тоске исходила по детству, Там все-таки счастье есть, Но изгородь черной жизни Рабыню не переставит. Ночь поблдевала и небо Над нами светлей и светлей. Чьи это обстоятельство и назвали Как ранней весной соловей. Радостный день наступает — День свободы твоей. Солнце ласкает землю, Весну наступил расцвет. Язык твой теперь развязан, — Смейся! — запрета нет, Для тебя и звезды мерцают, И лунный весенний свет. Родина пробуждается, Прекрасны ее пути, В ней можно любую работу И знание любое найти. И в этой стране ты можешь, Как агония, расцвести! Прошлое разрушая, Как рушат прогнивший дом, Учишь наравне с другими Овладеть трудом, И к нашей заветной цепи Мы вместе с тобой дойдем.

Перевел с каракалпакского АРКАДИЙ СИТКОВСКИЙ

Дехканские дома на берегу р. Аму-Дарья у Туртукла.

В КАРАКАЛПАКИИ

Самолет с выключенным мотором делает несколько кругов над глиняными домами, над узкими каналами и ветвистой рекой.

Стремительно садимся на песчаный аэродром.

Косая джерра открыта. Горный ветер пустыни несет красноватую пыль. Вот и Каракалпакия! Восточная вата выворочена из ушей. Позади — четыре тысячи километров железнодорожного пути до Ташкента и тысячи с лишним километров перелета по трассе Ташкент—Туртукла...

Кругом волнистые барханы и редкие юрты. Грубовый хлопковый завод идет с трудом, задыхаясь от ветра и пыли. Навстречу проливаются медленные верблюдом с презрительно поднятым носом; запыленные ноги еллы видны из-за поглая. Иги сляканы на ишаках почти волочатся по земле. Ближе к городу юрты-кибитки падают чаще и наконец переходят в глинобитные домики. Крепостная глинобитная стена. Она воздвигнута в 1918 году в защиту от басмачей.

Пестрый базар. Везаем на прямую улицу. Машина останавливается у здания обкома и ЦИК — едва ли не единственного двухэтажного дома в городе. Нужно представиться правительству и руководителям парторганизации!

Но... торжественная часть не улетает: большинство членов правительственной комиссии. Возле ворот восточного сада сразу же по-оперативно му развертывается наша беседа с тов. Алымовым — вторым секретарем обкома... Мальчишки глиняный домик; на полу — ковры и пеньюки; трагичный жирный плов. Мы в гости у председателя Союза писателей. Жена Бегимова бесшумно полагает пеньюк: вымыл руки, она рвет мясо на мелкие кусочки и цокает язык горячий ряс. В ее поадре — черная точка провала — след от сердца, еще не так давно забытого украшения каракалпакских женщин.

Асан Бегимов — член правительственной комиссии ЦИК КАССР, приехал к его плажаку. Он — один из лучших поэтов Каракалпакии. Стихи его включены в школьные учебники, распеваются в коллеквах. Несколько лет назад он был все-

Ширококурсыи, струясь по хлопковым полям, Широкоспинный, пустыню деля пополам, Канал протекает, и ветер, коснувшись его, Как масло становится нежным, уже не пылит. Обильную воду иссохшей равнинной струя, Пескам говорит он: — Покрою вас зеленой я! Оденет цветущий вас и разноцветный покров, Пусть бьется в бетон мой и бесится Аму-Дарья! Где были безводные степи в былые года, Широкой струей прошла Кизкэнткан вода, Цветами и травами шестестая степь Былую пустыню заменит теперь навсегда. Бетон головы его — плод большевистской руки: Плотина, что воду берет из безумной реки. Широко раскинулись руки и ноги его: Хлопковый посев обещивающа арыки. В нем небо играет горячей своей синевой, И Нукус, столица, на западе от него. Там скоро возникнут движенье и грохот машин, Поднимут гудки свой протяжный и радостный вой. Уже у плотин баран построены в ряд, Как свечи, их окна в песчаном просторе горят. Гордятся удариками молодой Кизкэнткан, Посвяду уже про героев его говорят.

Госпитализат обавался издать в этом году два сборника на каракалпакском и русском языках. До сих пор в Каракалпакии нередки были случаи, когда с авторов требовали оплаты типографских расходов и предоставления бумаги. В подобных условиях печататься, мягко говоря, затруднительно. В самом Туртукла постановлением обкома издается альманах, посвященный грандиозному каналу Кизкэнткан, введенному в эксплуатацию этой весной. Готовятся кадры переводчиков. Каракалпакские писатели поедут в Баку, Ташкент, Москву, Ленинград, Дюбасс. Несколько человек посылаются на учебу в литературные и педагогические вузы.

Все это вместе взятое должно дать мощный толчок росту каракалпакской литературы. Много видеть, много знать, учиться, учиться и учиться, — вот задача, которая сейчас стоит для большинства отсталых литератур. Организовать быстрый культурно-политический рост их кадров — вот почетная задача Союза советских писателей. Это диктуется ленинско-сталинской национальной политикой.

Как жизни ты светлой добился в суровом бою... Туман чернотурый над реком, где царствует хан, В стране, где безводная степь, за барханом бархан, Где в горном тумане безвыходной жизни брели Порабощенные тысячи тысяч дехкан. В поля шла вода арыками из Аму-реки, Но байскими, ханскими были в те дни арыки, И землю хорошую тоже захватывал бай,

Ишаны захватывали — властью сильной руки. Они говорили: — Господня эта земля! Во имя Аллаха возделывай наши поля! Возделавшись — сотая часть урожая тебе... Откажешься — будешь кайфром, дехманская тлп! И хан заживший над нами творит, что хотел: Горячим железом клеймил кожу бедную тел. Владел он садами, озерами, тучной землей; Жестокое рабство до смерти был общий удел. И вот в кишлаки, приказания ханские мча: «Казу!» выпоплять — приезают миробы, прича, И вот уж по тысячам согнутых стии бедняков Гуляет безжалостно кожаная камча. Без хлеба, без пиши, на плечи ввалили кетани, Брели и арыкам, липкий ил выгребали они. Всплывали колодки в подтопы ирранных мог. Казу — это пытка на долгие, долгие дни! Весь глиной и потом покрытый, сбгдется раб, Прогорел он от зимнего холода, очень ослаб. Присел на минуто он — хлеба поест, но и наму С жестокой усмешкой подходит сердитый ирраб. Он злобу свою вымещает на теле худом: Варежкой сызлав, истывает камочю — кнутом. И часто бывало — по вырванным арыкам Сначала шел кровяи ручей, а вода уж потом. Так раньше трудились для хана. Поэтому вот Коль скоро бедняк — человек, а не вещь и не скот, Восстали дехкане на баяв, на ханскую власть, Приветствуя дружно Октябрьского солнца восход!

Перевел с каракалпакского НИК. ПАНОВ

Кизкэнткан — первая большая новостройка в КАССР, в ней сплетаются легенды и песни местных народных певцов. Каракалпакский Союз писателей постановил издать специальный альманах, посвященный Кизкэнткану, в нем будет печататься поэма Джол Мурза.

Казу — общая повинность по очистке арыков от забивающего их ила, проводимая ежегодно в осенние и весенние месяцы.

Давсараев Наджим Кто не знает Айшу

Когда она осталась сиротой И по чужим душалам, по дворам, Ходила с черной нищенской сумой, И слезы пробегали по щекам, Кто замечал тогда Айшу?

Когда она за янтаном спешила В глухую степь, и на большой спине Таскала воду и зопу носила Из очагов чужих, — кто скажет мне, — Кто замечал тогда Айшу?

Такая жизнь! На что она похожа? Черные угли эта жизнь была. Когда она в бесмятежные браны Среди богатых праздничных прохожих, Кто замечал тогда Айшу?

Спящую ночь, как занавес, подняла Октябрьская зари, и в час, Когда земля смеялась и смеяла, Когда взглянула солнцем, словно глаз, Заметила кто Айшу?

Я видел девушку и с ней вместе И тех, кто занялся ее судьбой. Когда сирот собрал из предместий И в интернат их увел с собой, — Заметил кто Айшу?

Семьсот два козочки — ступушкан, От прошлого неразрешенный знак, Но поступил в одну из новых школ,

Айша вступила тут же в комсомол. Сегодня кто не узнает Айшу?

Хотя и трудно было ей сначала, Но не пенялась, не смыкала глаз. Она ударницей в школе стала И получила премии не раз! Сегодня кто не узнает Айшу?

Айша не одинока, в коллективе Многомигновенно трудится она. Она — как зеркало, и в ней правдиво Большая наша жизнь отражена. Сегодня кто не узнает Айшу?

И я ни капли не сожгу, наверно, Когда скажу, что много среди нас Таких же, как Айша, примерных Детей дехкан, которых поднял аллас. Не знает кто таких же, как Айша?

И в техникуме и в педузе, В колхозах и заводах их не счесть. С работой и учебною в союз, Они растут и множат нашу честь. Не знает кто таких же, как Айша?

Принет тебе, сестра моя, сепии! В дни Октября мы эту песню спали, Пусть слава пробегает по кишлакам, Пусть каждый увидит ее там, Как ты перегоняешь всех на деле! Перевел с каракалпакского АРНАДИЙ СИТКОВСКИЙ

Вечер. Азиатские яркие звезды. Кривые кошками юрты далеко разбросаны друг от друга. Кругом пустыня — солоночак, застывшие барханы.

Мы у председателя колхоза. Асан, Фазилов, несколько школьников и сам председатель, т. Алеев. В театре юрты готовят чай жена Асанова Гольбасар. Елкая динь стелется над головами, подгибает к отверстию в потолке юрты. Мы пригибаемся к полу; лежа вокруг очага, ведем разговор о колхозе, о канале Кизкэнткан — слово, которое за последние дни на тугах у всех.

Мутный зеленоватый кок-чай; лепешки; снеговой горной высятся на колотый рафинад. Поднимаются пестрая цинковка, входит несколько колхозников и, не здороваясь, садятся рядом. Такой обычай!

Мы спросим Фазилова и Асана про честь юрты. Фазилов поет свои вещи как баксы — высоким голосом, Бегимов читает скороговоркой, отрывисто. Каракалпакские поэты не знают интонационной манеры чтения.

Школьники неожиданно начинают читать отрывки из этих же стихов. Фазилов и Бегимов весьма довольны. Их знают, звучит, несут. Гольбасар, обняв руки, запоевает молодок рот своего маленького сына-крикуна. Нужна тишина — читают стихи!

На следующий день мы встречаем ее в одной из полевых бригад: Гольбасар — комсомолка, одна из лучших ударниц колхоза...

В одной из бригад идет комсомольское собрание. Ребята сидят на корточках около работающего чигира. Говорит Исбасар Фазилов — член обкома ВЛКСМ. Район не выдерживает сроков нахоты, отстает с своим. Стране нужен хлопок, комсомольцы должны работать хорошео.

Исбасар слушает внимательно. Он — свой, из пастухов подышедший до писателя, до редактора, сделавшийся таким большим человеком! В тот же день с караваем верблюдов мы покладем колхоз, каемся на широких верблюжьих селлах над песчаной тропой, над бесконечными солончакми. На обратном пути мы останавливаемся в Нукусе. Поблизости на Кизкэнткане...

В Туртукла при нас состоялся первый литературный вечер Каракалпакии. Зрительный зал госуд. театра переполнен. В президиум: секретарь обкома ВЛКСМ (б) т. Алеев, председатель ЦИК т. Санаров, нарком просвещения Турев, местные писатели, московская бригада.

Открывает вечер Фазилов. Духовой оркестр столицы исполняет «Интернационал».

Выступает Родионов. Его доклад тут же переводится на каракалпакский язык.

Поэты смущаются, это их первое большое выступление со стихами. Исбасар читает стихотворение «Каракой» — «Черный баран». Бурные аплодисменты, крики: «Джула аякин!» — очень хорошо. Перевод на русский языке читает Н. Панов. Олюбительный смех сопровождал каракалпакские слова, повторяющиеся в припеве стихотворения.

Читают другие поэты. А. Ситковский дает перевод прекрасной вещи Давсараева «Кто не знает Айшу». Вечер превратился в интернациональный праздник советской литературы...

Мы живем в правлении Союза писателей, в Доме партпроса. В нашей комнате вечная толча членов союза, начинающих авторов, народных певцов — баксы, репертуар которых — фольклор — мы выслушиваем и тут же записываем построчный перевод. Иногда во время чтения поэта или певца баксы без стука широко распахиваются дверь. Сторож партия проса или постовой милиционер входит в комнату и, сосредоточенно слушая несколько минут, так же неожиданно выходит. Милиционер — каракалпак, яркий любитель стихов. Даже сила у дверей на посту, он читает клякуш стихи...

Чем более каракалпакская литература? Как более каракалпакская литература? Мы ждем ее уровнем и социалистическим ростом страны очевиден значительный разрыв. Писатели еще не полностью достаточно образно социалистических преобразовании страны, ее трудностей и величайших побед. Они еще не подыались до показа конкретного героя, конкретных событий. Наиболее актуальные и волнующие темы еще не находятся в поле зрения писателей, их творчество страдает отвлеченностью и декларативностью.

До сих пор каракалпакская литература почти не имеет прозы. Нет марксистско-ленинской критики. Драматургия делает только первые шаги.

Общественно-политический и культурный уровень писателя не высок. Большинство совершенно не знакомы как с классической, так и с советской литературой.

Все эти вопросы обстоятельно разбираются на бюро обкома. В пределах выступили аам. пред. совнархоза Логнов, председатель правительственной комиссии РСФСР т. Алеев, председатель совпрофа, заводный комиссар просвещения. С аналитическую работу выступил первый секретарь обкома т. Алеев.

Местные писатели признали крайнюю важность критики и взяли на себя обязательство. Обком выносит решение о практических мероприятиях по улучшению работы Союза, о переводе на каракалпакский язык ряда произведений классовых марксизма, классических произведений художественной литературы и лучших вещей современных советских писателей.

Очень остро стоит вопрос о кадрах переводчиков. Постановлено выделить двух каракалпакцев специально для подготовки из них переводчиков. Будет оказана большая помощь и в области материально-бытового положения писателей. Намечено строительство писательского дома. Особое внимание уделено учреждению писателя.

На следующем утро мы снова в воздухе. Мы вылетаем на открытой самолете «У-2», ветер режет лица, внизу корячиная летной вытес Аму-Дарья, маленькие верблюды идут, выбрасывая ирпунные ноги. Внизу медленно проливает пустыни. — Так нам кажется с самолета! Мы пролетаем валье больш семакранских гор и через море с собой сияемся в Ташкенте с горой замлеток и с руконисими каракалпакских писателей в чемоланях.

Н. РОДИОНОВ, НИК. ПАНОВ, АРН. СИТКОВСКИЙ

ПОЧЕМУ ХУДОЖНИКИ НЕ ХОТЯТ РАБОТАТЬ НА «ОТЛИЧНО»?

Будем надеяться, что весенняя выставка московских живописцев — начало конца той пассивности в организации полновластной творческой атмосферы, которая долгие годы оглашала МОССХ.

Однако первый опыт весеннего осмотра галереи продукции наших художников во многом не удовлетворит. Прежде всего — сторона организационная. Тщательно искать аргументы на выставке работы выдающихся московских живописцев — Демина, Истомина, Тышлера, Чернышева, Родионова, Лабаса, Фоминина, Митурча, Рождественского и из более молодых — Чуйкова, Кашкина, Коротковой, Давыдовича, Семашкиной, Шипицына, Недбайло и др. Зато он выдвигает в области произведения московских живописцев, ничем не выделяющихся.

Даже хорошие художники представляются случайными вещами. Это отсутствие серьезного отбора предопределяет средний уровень выставки. И без того небольшое количество хороших вещей растворяется в изобилии посредственных, цветовых пейзажей, в духе провинциальных передвижников, а не настоящих художников, чтобы свернуть среди плохих, как жемчужины в море.

«Почему художники не хотят работать на «отлично»? — спрашивает в книге отзывов один из посетителей, студент.

Гражданские возможности, предоставленные советским художникам, возможности, которых не имеют художники ни в одной стране мира, объясняют к высокой творческой активности, объясняют к серьезной постановке проблем содержания и формы советского изобразительного искусства.

Отставание советских живописцев — факт уже установленный. О нем говорят М. Горький, о нем говорят самые искренние наши зарубежные друзья. Констатирование этого отставания само по себе очень важно. Следующим этапом должен быть анализ причин отставания — первая предельная его предельная.

Выставка московских живописцев говорит о том, что в основе неудач лежат два заблуждения: неправильное понимание искусства — понятия искусства и неправильное понимание реалистичности.

Примитивность средств живописного выражения не является условием понятий искусства. Навью думать, что такая примитивность может содействовать росту понимания живописи в нашей стране, росту потребности в ней. Наш зритель — это зритель, о котором мечтает Ромен Роллан: «Народ, обладающий достаточно свободным духом, чтобы наслаждаться им (искусством)...».

В среднестатистическом пейзаже и отчасти в «Портрете Я. Брик» Штеренберга мы находим искания того содержания, которое цвет, который должен конкретизировать и характеризовать предмет, сообщать его неповторимую специфичность. Штеренберг ищет этот цвет для пейзажа, для неба, для земли, для осы, пренебрегая порой красотой материала.

Того же порядка явления наблюдаются и в творчестве Кузнецова. В его «Волга-канал» мы видим полный отказ от декоративности.

Древни и Удальцова продолжают, напротив, линию декоративности. Любопытен цвет, поверхность уютной Древни и Удальцовой далеко от реальности. В их пейзажах небо, земля и деревья замешаны в одно красное и живописное тесто, лишнее едой пространственности, лишнее едой содержания пейзажа — диалектического противопоставления неба и земли. Это противопоставление, сдвигающее в живописном единстве отдаленно всех великих пейзажистов — от Рембрандта до Ван-Гога. К нему должен стремиться всякий пейзажист.

В пейзажах Древни и Удальцовой слишком мало натура, слишком мало наблюдений. Этот отказ от натуральной формы и натуральной перспективы, которая порой даже такие красивые вещи, как «Денушка с фруктами» Древни и «Женщина в саду» Удальцовой.

В «Актрисе» Пименова слишком много копирования виртуозности, техничности, слишком много композиционного трюкачества. Хорошо, когда вещь кажется написанной легко, хорошо, когда скрыт от зрителя утомительный тренинг работы над формой, а показаны только ее результаты. Но плохо, когда за легкостью и ловкостью кисти не ощущается серьезного пластического содержания.

Вильямс удивляет запоздалым воскрешением остовского экспрессионизма. Его «Нава» никак не объясняет того объяснения, которое имеет этот образ у Зова.

Е. Львов в большой мере хочет поразить неуклюжей рукой, но не может возбудить интереса. И наоборот: то, что казалось бы вовсе не рассчитан-

П. Крылов. «Портрет».

Среди этих неудач и заблуждений особенно выделяется большая и серьезная удача С. Герасимова. В своем пейзаже С. Герасимов не жертвует красотой изобразительных средств, создает реалистичный образ нового индустриального пейзажа. В этом пейзаже есть хорошая простота. Его же «Нефтяники», пожалуй, лучше из больших тематических полотен выставки.

К активу выставки надо отнести еще «Модель А. Гончарова, очень хорошие северные пейзажи А. Козлова, ставящие этого художника в первые ряды московских живописцев, и женские портреты Ягжского.

Из молодых хочется выделить особенно Ромашина. Крылова и Нисского. Все трое по-настоящему талантливы. Это самое лучшее, чем может заниматься молодой художник. Учатся у разных учителей и по-разному. Ромашин в своей работе, по сравнению с музейной картиной «За чисткой рыбы» находится под очевидным влиянием Шардена. Впрочем, в большой вещи «Прифронтовой ре-

Э. ВИНТОРОВ

УДАЧА МОЛОДОГО ТЕАТРА

В. Пушкин, очевидно, не лишен извещения дарования, но пьесу он написал плохо. Некоторые критики пытаются зашифровать ее как опыт советской мелодрамы. Позвоительно, однако, думать, что советская мелодрама должна в такой же степени отличаться от буржуазной мелодрамы, как, скажем, советская комедия от буржуазной комедии, особенно когда основные конфликты строятся на материале общественно-политической действительности.

Пьеса Пушкинова безусловно заманчива. Но это заманчивость чисто внешнего, искусственного порядка. Ни один поворот действия внутренне не оправдан. Вот почему автор «легкого» рустивает пьесу, как резину, для лучшего интереса и разнообразия, вставляет сценку туалета, сценку сна, вводит «живую мебель», когда ему только заблагорассудится. Такой же заманчивостью отличается и весьма занятая линия пьесы, все ее основные коллизии, в особенности история любви вождя японской фашистской лиги к советской девушке, пошедшей в Японию. Тут понятие наворочено много мелодраматических «сужасов» и анекдотических неслучаев.

Не приходится говорить и о каком-либо познавательном значении пьесы. Автор не «открыл» нам Японию, хотя он, говорят, провёл в ней немало времени. Зритель узнает из пьесы о быте, нравах, классовых расхождениях сил в Японии не больше, чем он знал об этом из газетных статей и сообщений. Так сказать, наглядные уроки политграмоты, часто весьма наивные и иногда не в меру назойливые.

Режиссору (И. Туманову) следовало бы как-то «поддаться» этой теме, ухватить ее. Это был бы еще один плюс в той очень значительной и интересной работе, которую он предельно для того, чтобы даже из безформенного авторского материала создать спектакль высокого культурного уровня. Молодой режиссер, которого мы знаем по двум его постановкам в театре Завальского («Опыт» и «Дело о дуэлях»), обнаружил в последней своей работе заметный рост, большую творческую независимость.

ЯК. ЗЙДЕЛЬМАН

Особенно ярко это отразилось на актерском исполнении. Приятно отметить с концом.

Выступает превосходный актер Муравский. Может быть, в Ленинград хорошо уже знают его, но для московского зрителя появление Муравского на эстраде — приятный сюрприз. У него мягкая манера исполнения, интересный сценический облик человека, случайно оказавшегося перед занавесом и начавшего непринужденно беседу со слушателями. Словом, актер этот — немалое приобретение для нашей эстрады.

Но как часто морщится слушатель от жесточайшей пошлости, выходящей от эстрады, которую мы привыкли считать эстрадой, а делается это по причине недоверия к умственным способностям аудитории, но чаще — для ограждения себя от упреков.

Что собой этот текст, представляющий старым анекдотом и своеобразной пошлостью, которую, — быть уверенным, ощущает и отнюдь не приветливо слушает? Очередной скупой мастер аноним, один из тех, которые все еще держатся в эстрадных низинах, несмотря на великую ответственность?

И вот получается, что интересный, способный актер производит впечатление двойственное: могло бы быть отлично, а сейчас не более, чем терпимо. Потому только терпимо, что многое на эстраде, к чему мы, увы, привыкли, — еще хуже.

А. Н. Толстой и В. М. Петров КАЗНЬ АЛЕКСЕЯ

Отрывок из сценария „Петр I“

Аудиенциал сената

В аудиенциале сената происходил суд.

Петр — величественный, подавленный — кончал свою речь:

— ЗАМЫСЛИЛ ОН ПОСЛЕ СМЕРТИ МОЕЙ ВСЕ ПОВЕРНУТЬ НАЗАД К ДЕДОВСКОЙ СТРАНИЦЕ, В ТОМ СТРАШНОМ ДЛЕТЕ ЕМУ ПОМОГУТ БОЯРЕ ДА ПОПЫ РАДИ ТУНЕЯДСТВА СВОЕГО.

САМ Я НЕ ВЕРУСЬ СИЮ БОЛЕЗНЬ ЛЕЧИТЬ. ВРУЧАЮ АЛЕКСЕЯ ПЕТРОВИЧА ВАМ, ГОСПОДИН СЕНАТ

— СУДИТЕ И ПРИГОВОРИТЕ, И БЫТЬ ПО СЕМУ.

Петр кончил, встал.

Все встали за ним.

Петр ушел.

Сенаторы с искаженными лицами смотрели ему вслед.

Застенок Петропавловской крепости

В застенке Толстой допрашивал Алексея:

— ПИСЬМА ПИСАЛИ, АЛЕКСЕЙ ПЕТРОВИЧ, В ПЕТЕРБУРГ СЕНАТОРАМ?

Алексей молчал.

Зубы его стучали, пальцы конвульсивно дергались.

— НЕ ЗАПРЯГАЙТЕСЬ, НЕ СОВЕТУЮ.

Уговаривал его Толстой, показывая на приготовленные орудия пыток.

Алексей отрицательно мотал головой, как бы отмахиваясь рукой.

— НЕ БЫЛО... НЕ БЫЛО ЭТОГО... — ВРЕШЬ!

закричал тогда Петр.

— ВСЕ ЗНАЮ: И КАК ПИСЬМА ПИСАЛ, И КАК ВНОСИЛ ПРОСИЛ У КЕСАРЯ.

Алексей упал перед отцом на колени.

— ОГОВОРИЛИ МЕНЯ, — отрицал он.

— И В МЫСЛИ ТОГО НЕ БЫЛО.

Толстой подал знак.

Солдаты ввели Ефросинью.

Царевич бросился было к ней, но пол суровым взглядом отпихнул ее.

Толстой ласково попросил:

— САДИСЬ, ЕФРОСИНЬЮШКА, ГОВОРИ ПРАВДУ.

Ефросинья села.

— ЧТО ЖЕ, СКАЖУ, КАК НА ДУХУ... — ЗАГОВОРИЛА ОНА РАЗВЯЗНО, СТАРЕЯСЬ ВЫНОСИТЕЛЬ СЕБЯ:

— ПИСАЛ ЦАРЕВИЧ ПИСЬМА И К РИМСКОМУ КЕСАРИ, И К СЕНАТОРАМ, И К МИТРОПОЛИТУ... Алексеем закричал:

— ВРЕШЬ!

Ефросинья вскричала:

— ПИСАЛ, САМА ВИДЕЛА! — стала доказывать она, волнуясь, что ей не поверят:

— АЛЕКСЕЙ ПЕТРОВИЧ САМ МНЕ СКАЗАЛ: «БРОСЬ ИХ В ПЕЧКУ, Я И БРОСИЛА».

Она стучала развязно к Петру:

— ВОТ КАК ИМ ВОИТИ!.. — указывая она на Толстого.

— ПОШЛА! — закричал Петр с омерзением.

Толстой отгнал Ефросинью.

Солдаты ее увели.

Смертельный ужас был на лице Алексея.

— КОМУ СЕНАТОРАМ ПИСАЛ? ИМЕНА НАЗОВИ!.. — потребовал Петр у Алексея.

Алексей стоял на коленях.

— НЕ ПИСАЛ... И НЕ ВИДАЛ... ОГОВОРИЛИ МЕНЯ!.. — бессмысленно повторял он.

— НАЗОВЕШЬ! — закричал Петр.

Алексей уже ничего не мог сказать. Он смотрел безумными глазами, мотал головой, плакал.

— ПУСТЬ ВОЗЬМУТ, — приказал Петр Толстому.

Три крикнули:

— МИШКА!

Палач с помощниками набросались на Алексея, сорвали рубашку.

Алексей закричал диким голосом.

Петр отвернулся.

Аудиенциал сената

Перед Меншиковым сидели сенаторы.

Происходило примерное голосование решения суда.

— Ты?

спрашивал Меншиков, указывая на

искаженное лицо князя Долгорукого.

— ПОВИНЕН СМЕРТИ, — еле слышно пролепетал Долгорукий — ТЫ?

— ПОВИНЕН СМЕРТИ, — повторил за ним Буйнов.

— ПОВИНЕН СМЕРТИ... ПОВИНЕН СМЕРТИ... —

говорили бояре, с искаженными смертельными ужасом лицами.

Петропавловская крепость

Петропавловская крепость. Ходит по стенам часовые. Бьет час...

Двор

Петр, Меншиков и Толстой, закутанные в плащи, вышли из Трубецкого раската.

Петр и Меншиков прошли вперед. Толстой остановился, оглянулся на окно...

Перекрестился...

Москва

Страшный, сумасшедший звон колокола над Москвой.

Колокольни

На колокольнях солдаты тревожили во все колокола.

Палата в Кремле

В московском Кремле, в одной из палат, распавшихся райскими птицами и изображенными святыми уголками, происходил всепьянейший собор — избрание всепутейшего патриарха

Вся старая Москва: иконописные бояре в старинном платье, осязаемые, родовитые старики с патриаршими бородами смотрели с великим страхом на невнятное коучество, оспаривавшее царем и его ближайшими сотрудниками.

Верхом на пьяных бочках восседал голый мужик и голая баба: Бахус и Венера.

Бахус — голый, толстый, распухший от пьянства человек.

Глава его была украшена листьями табака, живот прикрыт листьям капусты.

В руках: лук, редька, чеснок и соевый огурек, на ногах лопаты.

Венера — тоже голая, здоровенная баба, с венком на голове.

Руклами она, полобо статую, прикрывала грудь и живот.

Кружом стояли жертвенники, дымящиеся табаком.

Меншиков, Шафиров, Шереметьев, Толстой, Ягужинский и другие сенаторы, министры и генералы, все пьяные, одетые в церковные ризы, с митрами на головах кадили калдима Бахусу и Венере.

Сам царь, в одежде архидьякона, воздел руки, точно в церкви перед престолом, возглавлял:

— ПРЕПОДОБНЫ ОТЦЕ БАХУСЕ, МОЛИ ВЕНЕРУ О НАС!..

Хор нарочитым великом запел на церковном языке Бахусу песнь:

— БАХУСЕ ОТЦЕ НАШ ВСЕПЬЯНЕЙШИИ.

ДАРУЮ ЧРЕВУ НАПОЛНЕНИЕ, ДАРУЮ РУКАМ ТРЯСЕНИЕ, ДАРУЮ БЛУДНОЕ ЛИБОВАНЬЕ, ДАРУЮ ЛЯДИЯМ ПОРУГАНЬЕ... БАХУСЕ ВСЕПЬЯНЕЙШИИ, МОЛИ ВЕНЕРУ О НАС!..

И под пенье плещущие жрецы, по пояс голые, с соблазными хвостами, внесли на своих головах пьяного боярина Буйновского в исподнем платье. Впереди несли две огромные фляги с вином и два блюда — с огурками и с капустой.

Жалось к стенам бояре, крестясь под полой, шаркаясь, в страхе глядя на невнятную процессию.

Петр, мрачно глядя на бояр, возглашал:

— БРАТИЕ, ВОНЕМЕ!.. ПОКЛОНИМСЯ НОВОИЗБРАННОМУ ПАПЕ.

ПАТРИАРХУ ВСЕПУТЕЙШЕМУ И ВСЕПЬЯНЕЙШЕМУ!..

Хор запел пьяными голосами:

— АМИНЬ!..

НЕ БОЛЕЕ, ЧЕМ КОНЦЕРТ

Начнем с конца.

Выступает превосходный актер Муравский. Может быть, в Ленинград хорошо уже знают его, но для московского зрителя появление Муравского на эстраде — приятный сюрприз. У него мягкая манера исполнения, интересный сценический облик человека, случайно оказавшегося перед занавесом и начавшего непринужденно беседу со слушателями. Словом, актер этот — немалое приобретение для нашей эстрады.

Но как часто морщится слушатель от жесточайшей пошлости, выходящей от эстрады, которую мы привыкли считать эстрадой, а делается это по причине недоверия к умственным способностям аудитории, но чаще — для ограждения себя от упреков.

Что собой этот текст, представляющий старым анекдотом и своеобразной пошлостью, которую, — быть уверенным, ощущает и отнюдь не приветливо слушает? Очередной скупой мастер аноним, один из тех, которые все еще держатся в эстрадных низинах, несмотря на великую ответственность?

И вот получается, что интересный, способный актер производит впечатление двойственное: могло бы быть отлично, а сейчас не более, чем терпимо. Потому только терпимо, что многое на эстраде, к чему мы, увы, привыкли, — еще хуже.

А разве так трудно было заставить Муравского читать настоящему мастеру, помочь актеру культурно оформить номер? Это было бы нелегко, если бы дирекция летнего сада — не только «Эрмитажа», но и любого другого — ощущала ответственность за программу, подлинную творческую ответственность за нее.

Но как видно, директор летнего сада ощущает себя не более, чем автор-репертером, на обязанности которого лежит единственно подобрать номера. О том, чтобы подготовить хотя бы принять участие в подготовке их, нет и речи. В этом все дело.

Если последует ссылка на лето и все пронизывающее отсюда, то это просто валор. Уже драматические и оперные театры стали рассматривать лето, как сезон, ничем, кроме температуры, от прочих не отличающийся. Для эстрады же лето — пора наибольшей активности. Зимой идет дискуссия о причинах отставания эстрады, и, как одна из главных причин, указывается отсутствие стационарных площадок. Летом стационарные площадки существуют, но руководители их начисто забывают о зимней дискуссии и попросту охотятся за «солодовыми» номерами.

Если подходить к программе «Эрмитажа» с таких ограниченных позиций, то она не так плоха. Она смотрится не скучно, и это уже много.

Интересны зарубежные номера. Это относятся раньше всего к драматическому джазу, который выступал на той же площадке в прошлом году, джаз Вейнбаума по-настоящему интересен, и у него есть чему поучиться советским представителям того же жандра. Состоит он из масте-

ров, каждый из которых не только превосходно владеет певчим рядом инструментов, но и неплохо актер к тому же. Коллектив работает в прекрасном ритме, очень изобретательно, очень весело, очень непринужденно.

И все же это скорее экзотика, в прямом значении этого слова, чем подлинная музыка. Порою просто жалко, когда превосходно исполняемое на каком-либо инструменте соло сопровождается весьма остроумным, но мешающим слушать это соло аккомпанементом.

Очень четко работает аквибристы на шарах Илларио, и совершенное недоумение вызывает за Сикклер, исполняющие танцы более чем сомнительного стиля. Насколько приятно было бы увидеть вместо них, скажем, Анну Редель и Михаила Хрусталева, либо других высококачественных артистов отечественную балетную парочку, кончилось не мало.

Что касается советских номеров, то со всем предыдущим мы объясним, ополнит песенки Бонжее, засл. арт. Борисов. Приятно смотреть за Карталю и В. Вольф. Световой номер Франциска мог бы быть изобретательнее и разнообразнее.

Амурский, конференцные испытательный и тактичный, на этот раз явно не в ударе и много ниже своего обычного уровня. Ничего острого его так примитивно, что вызывает улыбку, — не ту улыбку, на которую они рассчитаны.

В общем не плохая программа, может быть, даже несколько выше среднего уровня. Но нет на одного нового номера. Что прибавляет она к активной советской эстраде?

А. КАМ

Пятились в ужасе бояре, прятались за спину друг друга, закрывая лица руками, чтобы не смотреть на страшное коучество.

Пьяного Буйновского льякона облачали в патриаршие ризы.

— СЫНА УБИЛ... ВСЕ ОТНЯЛ У НАС!.. — плакал старый боярин, трясая седой бородой.

— ЗАЧЕМ ЖЕ ЕЩЕ СРАМОТО ЭТОТ... — СВЕТОПРЕСТАВЛЕНИЕ!.. — в ужасе говорил другой.

Жрецы лили Буйнову на голову зно.

Возложили на него руки льякона. Петр возглашал:

— РУКОПОЛАГАЮ АЗ ПЬЯНЫЙ СЕГО ПЕТРОВИЧЕВОГО ВО ИМЯ ВСЕХ КАВАКОВ, ВО ИМЯ ВСЕХ БАРДАКОВ, ВО ИМЯ ВСЕХ СКЛЯНИЦ, ВО ИМЯ ВСЕХ ПЬЯНИЦ, ВО ИМЯ ВСЕХ ПЛОХ — ВЕНЕРИНЫХ СЛУГ, ВО ИМЯ ВСЕХ ШТАНОВ, ИЖЕ В НИХ СУЩЕВ.

Хор запел:

ПЬЯНСТВО ВАХУСОВО ДА БУДЕТ С ТОВОЮ!..

Петр обернулся, страшный и мрачный, он смотрел на остатки неважистой ои древней Руса.

— ПЛУТЫ, КАЗНОКРАДЫ, ПЬЯНИЦЫ, СКВЕРНОСЛОВЫ, БЕСНОВАТЫЕ, ОБАЖЕННЫЕ И ОБМОЧЕННЫЕ ДУРАКИ И УМНЫЕ... — призвал он помертвевших от страха бояр.

— ГРЯДИТЕ!..

Буйновского окружили льякона, повернувшись задом, задрала мантию на голову.

— ПРИКЛАДЫВАЙТЕСЬ, — приказал Петр, указывая на буйновский зад.

— СИЕ ДУХОВИТО, ДА ЗДОРОВО!.. Хор запел:

— МНОГАЯ ЛЖТА... МНОГАЯ ЛЖТА... Зарочили бояре... — НЕ ОСВЕРЖНОСЬ, СМЕРТЬ ПРИНЕМЛО! — закричал старый боярин.

К нему бросались жрецы с соблазными хвостами. Потанчивая насильно. Бояре, стоящие позад, побежали, думая скрыться, но у дверей стояла стража.

И стали подходить бояре, точно на казнь, к позорному пелованию. Кружом лило веселье и пьянство. Хор «Восна» выставлял разные мя пятными голосами плавовую. Гадледа, лаяла, кукарекала шути. Пьяный Меншиков плясал «русскую».

Ему подпевствовали, гикали, орали... — ПЛЯШУТ!..

шентал один из бояр рядом сидящему с ним князю Долгорукому.

— А ЦАРЕВИЧ ЕЩЕ В МОГИЛЕ НЕ ОТГОЛ... — ОТГОЛ И ПЛЯШУТ, — горько ответил ему Долгорукий.

Один Петр был творец ораля пьяного веселья.

Он, мрачный, ходил по палате, обходя валявшиеся на полу тела ожившихся.

Меншиков кончил плясать... — ВСЕЛ ПЛЯСАТЬ СВЯТЕЙШИИ, — сказал полонешный к нему пьяный Шафиров.

— РАД, ЧТО ГОЛОВА НА ПЛЕЧАХ УПЕТЕЛА.

— ПОШЕЛ ПРОЧЬ! — откликнул его от себя Меншиков. — ЖИД КРЕПЕННИ! ВОР! Шафиров озадал:

— САМ ВОР КАЗНОКРАД! — ответил он Меншикову.

— Я ВОР? — набросился на него Меншиков.

— ТЫ СКОЛЬКО С ДЕМИДОВА ХАПНУЛ? — закричал Шафиров.

— ДОКАЖИ, ЧТО Я БРАЛ! — нагло крикнул Меншиков.

— ВОТ ХОРОШО! ВОТ ПОРТАЛИСЬ!

АВ-АВ-АВ! — приплясывая, хихикая, около них Толстой.

— А ТЫ ПОМАЛКНИВАЛ! — подскокил к Толстому Меншиков. — ЛУЧШЕ ПОХВАСТАЙ, СКОЛЬКО САМ В ПАРИЖЕ УКРАЛ! — БАБЫ СПИТЕЛНИ... БАБЫ СПИТЕЛНИ... — оправдывался Толстой.

— ОБА-ВСЕМУ СВЕТУ ИЗВЕСТНЫЕ РАЗБОЙНИКИ! — кричал на них Шафиров.

Петр остановился, увидя ссору министров.

— ТЫБЯ ПОТРАСИ, ВИЦЕ-КАНЦЛЕР, — набросился тогда Толстой на Шафиров.

— КАЗЕННЫЕ ВРИЛЛИАНТЫ ПОСЫЛАЮТСЯ... — НА ПОЧТОВОЙ ПОШЛИНЕ ПОМИЛЛИОНА УКРАЛ! — крикнул Меншиков в лицо Шафирову.

— ЮДА! — и замаялся бутылкой.

Петр с помертвевшим лицом слушал.

— ДАВНО ТЕБЕ НОЗДРИ БЫРВАТЬ!.. — кричал Меншиков.

— КИЕМО НА ЛОВ! — УБЬЮ! — заревел Меншиков и швырнул бутылкой в Шафирову.

Бросился он на него и схватил за горло.

— САМ НА КОЛУ СДОХНЕШЬ! — прокричал Шафиров.

Все всколыхало.

Бросились на дерущихся. Полетели бутылки, стаканы. Министры кричали:

— ВОР! БРОДЯГА! САРЯНЫ! Меншиков ухватил Петра.

— БОЛЬШЕ МОЛЧАТЬ НЕ МОЖЕМ!..

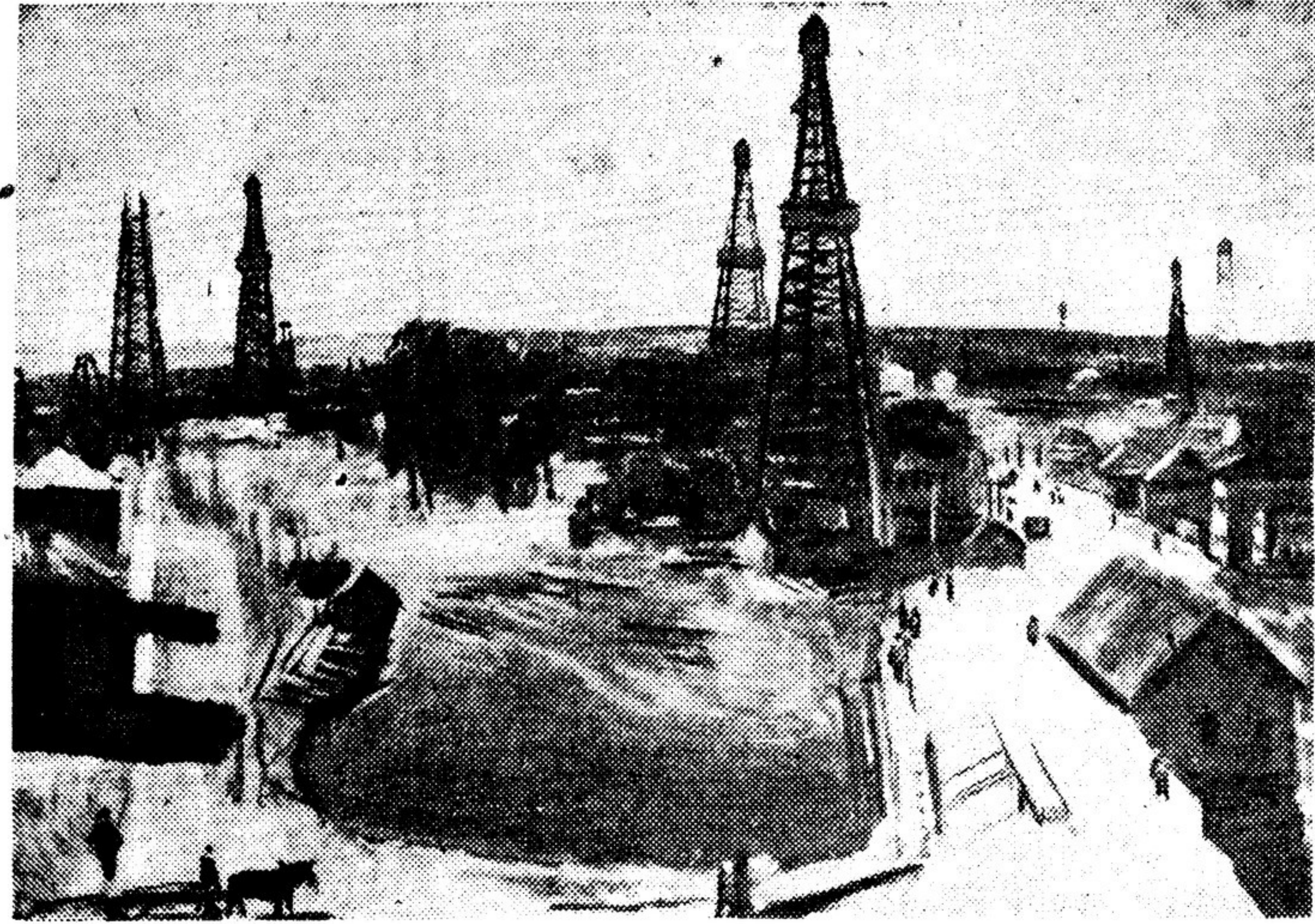
— ВЫДАЕМ ЕГО С ГОЛОВОЙ... — прокричал он, указывая на немого Шафирову.

Петр схватил барабан и стал бить отбой.

Кружом все были уже окончательно пьяны.

Рослые генералы выскочили, точно труны, ошарашенные министрами и сенаторами.

Петр с окаменевшим лицом был в барабан...

С. Герасимов. «Пейзаж».

10 ЛЕТ БОЛШЕВСКОЙ КОММУНЫ

Значение самостоятельного искусства Болшево выходящее за пределы коммуны. Коммуны частые и желательные гости в рабочих клубах Москвы, красноармейских частях и соседних деревнях.

В одном из крупных московских клубов сейчас организована выставка картин художника-коммунара МАСЛОВА. Мы воспроизводим две картины работы коммунаров.

Секретариат правления ССР вынес 19 апреля с. г. постановление об организации заочного литературного отделения при ВРЛУ с количеством заочников для 1-го курса 100 человек.

Справа — пейзаж АБРАМОВА, слева — натюрморт ИЛЬИНА.

В кружках коммуны воспитывается талантливая молодежь. Многие из них сейчас получают специальное образование. Три коммунара учатся в Московской консерватории, два — в музыкальном техникуме, четыре — в Ленинградском академическом институте.

В коммуны больше всего из кружков, которым руководит художник А. ЯКОВЛЕВ. Картины коммунаров украшают клуб, столовую, кафе коммуны.

Секретариат правления ССР вынес 19 апреля с. г. постановление об организации заочного литературного отделения при ВРЛУ с количеством заочников для 1-го курса 100 человек.

Главная и основная задача заочного отделения — «помочь молодым писателям овладеть марксистско-ленинской теорией, стать на уровни современного знания в области науки, техники и искусства, помочь писателям овладеть необходимым мастерством для создания памятников искусства, способных отразить напу...

В настоящее время уже принято в число слушателей заочного отделения около 80 человек. Прием происходит как коллективным путем, так и путем подачи индивидуальных заявлений. Коллективный прием производится от таких организаций, имеющих дело с подготовкой литературных кадров, как ИКП, Гослитиздат, Профиниздат и др.

Специализация заочного отделения остается та же, что и на основном очном университете: отделение прозы, поэзии и критики. Одновременно будет проводиться подготовка начинающих молодых писателей для специальных областей литературной работы.

На 3-м и 4-м курсах, в соответствии

ЗА ЛИТЕРАТУРНЫЕ КАДРЫ

с вышедшими на уровень в области культуры и искусства, заочное отделение будет организовано в виде факультета с количеством заочников для 1-го курса 100 человек.

В числе преподавателей заочного отделения войдут видные профессора писательской критики, педагоги в области литературы, педагоги, которые будут проводить занятия; история русской прозы, литературы народов СССР, зарубежной литературы, античной литературы, политэкономика, статистика, диалектика, иностранные языки, русский язык, теория литературы и др.

В отдельных местах для заочников предполагается устраивать опорные пункты, где студенты будут получать необходимые для их учебной ситуации. Эта работа, по соглашению с ССР СССР очевидно, будет возложена на местные отделения Союза писателей.

На 3-м и 4-м курсах, в соответствии

КНИГИ. По всем вопросам русск. и иностран. ПОКУПАЙТЕ МАССОВЫЕ «Литературная газета», ул. Горького, 20 и 12, прот. Талерга, телефоны: 1-84-49 и 13-31.

ИЗВЕЩЕНИЕ. Ответственный редактор А. А. БОЛОТНИКОВ. ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное объединение.

СОДЕРЖАНИЕ. А. Бельский — Стихи о любви. В. Ильин — Солнечный город. А. Смирнов — По зимним, ч. П. И. Дремов — Старик, стих. И. Фейнман — Семья. Оплеванная (роман продолжение).

ЕЩЕ О МОЛОДОМ ПОЭТЕ. Когда т. Е. Трошенко писала свою статью «Молодой поэт» (см. «Л.» от 5 января), она, очевидно, недостаточно...

СОДЕРЖАНИЕ. А. Адалис — Киров, поэма. В. Бредель — Испытание. Роман, перевод с немецкого А. Риткопфа.

СОДЕРЖАНИЕ. А. Адалис — Киров, поэма. В. Бредель — Испытание. Роман, перевод с немецкого А. Риткопфа.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ. Вышел из печати и рассылается подписчикам пятый номер журнала ЦК ВКП(б) и ЦК ВЛКСМ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА. На 2-е полугодие (июль-декабрь) 1935 г. на ежемесячный литературно-художественный журнал.

К СВЕДЕНИЮ ПОДПИЩИКОВ. Вышел и рассылается подписчикам первый по выходу — 5-й том соч. Пушкина в 9-ти томах; его цена, как и скандинавского издания Пушкина в 8-и томах, 1 руб. 50 коп.

БОЛШЕВО

Онипу так, как было, постарайтесь ничего не пропустить из того, что видите, слышите и переживаете. Я был среди небольшой группы писателей и очеркистов. Уже сидя в машине я думал о Болшево, воображал местность, людей и обстановку.

Болшево утопает в зелени. После весьма своеобразного заселения мы отправились осматривать художественную студию, спортивную площадку, обжитые, фабричные неха и пол колеи их собственный самостоятельный театр.

Вспомнил, как я с группой школьников таскал турецкие булочки и описи с болгарских арб. Я не знаю, что бы я еще вспомнил о таком страшно и неприятно из моей биографии, если бы через полчаса не позвонили машине самому сердцу Болшевской коммуны.

Мы были в выходной день, поэтому производственные цеха, машины, столярки, выглядели так, как будто они соблюдали мертвый час. Тем не менее легко было себе представить все это в движении, людей у станков, шум, басок колышек, легкость ракеток и устремленные лица коммунаров.

Начиная от Москвы до Болшева мы ехали по чудесному шоссе, которое почти наполовину построено самими коммунарами. Болшево — это не село и не город и не место заключения. Болшево — это социалистический городок. Болшево — это еще в законченном результате огромного человеческого сознания и огромного трудолюбия. Болшево — это коммуна, где все за одного и один за всех. Это фабрика не только лучших ракеток для коньков спортивной обуви и т. п. Это чудесная фабрика переделки человека. И всех этих людей, которые еще до сих пор сохраняли свои вероисповедные клочки, я увидел во всем их настоящем величии.

Болшево — это производственный городок, целиком построенный заводскими цехами.

Я внимательно и напряженно всматривался и вслушивался в каждое выступавшее коммунар, ощущая у их как-то отвлеченно, но совсем обычно. Это были обыкновенные люди, но в силу их острого прошлого

К концу мы отпустили в летнем театре, где болшевичи демонстрировали свое очень хорошее искусство, мы слушали прекрасный большой духовой оркестр, струнный оркестр, хоры, мы видели чудесных танцовщиц, хороших акробатов, и самым совершенным, превосходным был хор. Я минутами забывал, что смотрю и слушаю самостоятельное искусство. Это настоящие профессионалы, которых свободно могли бы демонстрировать многие наши естрадные театры.

Когда я уезжал обратно в Москву, у меня уже не было никаких ассоциаций с детством. Я думал о том, что Болшево — это социалистический городок, в котором нет ни одного милитариста.

Именно, что от этих товарищей самокритической оценки своей практики, что товарищи не меньше, отдадут себя отчет в действительном положении вещей. По существу, они, хотя часто и с многочисленными оговорками, воспроизводят ту же картину, которую нарисовала Трошенко. Они говорят о необходимости большего уточнения и повышения критериев при приеме в ВРЛУ, об ускорении борьбы с «богемскими» настроениями, со всякими проявлениями дурного «профессионализма», они констатируют...

С огромным интересом слушала 6 июля аудиторы Дома советского писателя доклад М. Цыганского на тему «Пушкин в 1835 году».

На 12 мес. — 24 руб., на 6 мес. — 12 руб., на 3 мес. — 6 руб., на 1 мес. — 2 руб. Подписка принимается в почтовых отделениях, письмом, а также отделениями, уполномоченными, кно. одами КПСС.

К 136-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПУШКИНА

СЕЗОН 1935—36 ГОДА В ТЕАТРЕ ИМЕНИ НЕМИРОВИЧА-ДАНЧЕНКО

Первого июля гастрольными театрами им. Немировича-Данченко в Горьком открылся новый оперный театр. Театр им. Немировича-Данченко покажет все свои основные постановки и приступит в Горьком до 1 июля. Затем он уедет в Ленинград. К этому времени будет закончена работа над оперой «Чю-Чю-Сан» в постановке Мордвинова.

В августе театр возвратится в Москву и будет играть в парке ЦИДА. В сентябре бригада артистов в составе 40 человек уедет со спектаклями «Троизата», «Ужас мадам Анжос» и «Чю-Чю-Сан» в Черноморский флот.

Отчаянное положение вынудило поэта обратиться к Бенкендорфу с ружьем писем, в которых он апеллирует к милости царя. Последняя, понятие, обнаруживает не чремерную щедрость, когда дело касается вопроса о помощи Пушкину. Средства, отпущенные поуту по «монаршему созданию», ни в какой мере не могли разрешить кризис, в котором Пушкин отчаялся. И он решает на последнюю меру: положение должна опасть муза.

Над новым текстом оперы работает Вера Инбер. Театр готовит также «Ликовую даму». Режиссер — Б. А. Мордвинов. Общая постановка предстоит премьер приваляет нар. арт. реп. В. И. Немировичу-Данченко.

Пушкин уезжает в Тригорское. Но тщетные надежды: осень 1835 г. по свидетельству самого поэта была одна из самых бесплодных осеней. Он не может творить, находится в состоянии безостановки и побуждаемый ослиным лишь материальными соображениями. Письма Пушкина к жене полны грусти и заботы. Поэт не видит исхода из положения. И снова и снова он должен напоминать о помощи царя, о содействиях Бенкендорфа, о ростошике Юрьеве и о ряде авантюристов «возможностей».

В ближайшем времени в Изогляз выйдет ряд высокохудожественных альбомов.

Пушкинский спектакль

В ближайшем времени в Изогляз выйдет ряд высокохудожественных альбомов.

Издания

Издания

Издания

Издания

Издания

Издания

В ПРЕЗИДИУМЕ ССР

Повестка заседания президиума ССР от 4 июля отличалась большим разнообразием.

В первую очередь обсуждался вопрос о подготовке к международной выставке, организуемой в Париже в 1937 году.

По мнению всех выступавших, необходимо, чтобы все особенности советского литературного движения были представлены на международной выставке с возможно большей остротой и полнотой.

На том же заседании президиума были обсуждены вопросы о курсах молодых писателей (постановлено открыть очередные курсы на 40 человек на 3 месяца — с сентября по декабрь 1935 года) и о работе Президиата.

Президиум выделит комиссию для разработки проекта участия литературы в советском секторе международной выставки.

В состав комиссии для разработки проекта участия литературы в советском секторе международной выставки вошли: тт. Д. Бедный, Л. Леонов, В. Лидин, Л. Дуплон, И. Минигиненко, А. Таров, Л. Сейфуллина, И. Накоряков и Н. Тихонов.

Затем заслушаны были отчеты писателей бригад, возвратившихся из Кара-Калыкия и Калмыкия. Т. Родионов, Ситинович и Исаха рассказали о проделанной бригадами работе, обстоятельно осветив нужды местных литературных организаций.

СОУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ХОУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Вышел из печати, рассылается подписчикам и поступил в продажу № 5 (майский) журнала «ОКТАБРЬ».

СОУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ХОУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Вышел из печати, рассылается подписчикам и поступил в продажу № 5 (майский) журнал «ОКТАБРЬ».

СОУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ХОУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Вышел из печати, рассылается подписчикам и поступил в продажу № 5 (майский) журнал «ОКТАБРЬ».

СОУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ХОУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Вышел из печати, рассылается подписчикам и поступил в продажу № 5 (майский) журнал «ОКТАБРЬ».

СОУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ХОУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Вышел из печати, рассылается подписчикам и поступил в продажу № 5 (майский) журнал «ОКТАБРЬ».

СОУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ХОУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Вышел из печати, рассылается подписчикам и поступил в продажу № 5 (майский) журнал «ОКТАБРЬ».

СОУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ХОУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Вышел из печати, рассылается подписчикам и поступил в продажу № 5 (майский) журнал «ОКТАБРЬ».

СОУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ХОУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Вышел из печати, рассылается подписчикам и поступил в продажу № 5 (майский) журнал «ОКТАБРЬ».